

политику согласованного действия всех руководящих классов тогдашнего государства. Положение об идейной связи Максима Грека с политикой «избранной рады» подтверждается не только известными посланиями к царю, но и посланием до сих пор не изданным, написанным весной 1551 г. В нем Максим высказывается с глубоким сочувствием о преобразовательной деятельности Ивана и восхваляет царя, как поборника правды и устроителя земли. В послании внятно слышится отголосок церковных и земских реформ 1550 и 1551 гг. — Отношение царя к духовенству во главе с митрополитом, к боярству и воинству в отдельности мыслилось Максимом Греком так: Максим вменяет царю в обязанность выслушивать и принимать от митрополита и епископов полезные советы в делах державы. В отношении к боярству Максим чужд мысли об ограничении царя советом именно боярским, право совета, по мнению его, не есть чья-либо привилегия: советовать царю может всякий человек, способный дать совет, полезный обществу и отвечающий интересам времени. Далекий от чаяний оппозиционного боярства, Максим Грек наряду с боярством ставит воинство и считает заботу о нем серьезным государственным делом. Он оценивает роль боярства не с точки зрения узких симпатий, подсказанных боярскими интересами. Им руководит более широкое понимание роли боярства в изменяющихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти. Но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства. Идеологически, не покидая боярской позиции, он поднимает ее на более высокую ступень. Концепция идеальной власти, по Максиму Греку, завершается возведением в число важнейших обязанностей царя — милосердия к нищим и убогим и заступничества за вдов и сирот.

Устойчивый национальный облик Максима Грека приводил его, в особенности в первые годы пребывания в Москве, к явным столкновениям с отдельными чисто русскими тенденциями как в сфере церковных отношений к Константинопольскому патриарху, так и в области внешней политики. Как истый византиец, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и политическом возрождении ее под властью православного царя из династии московских государей. Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике московского правительства по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. В 1521 г. по поводу нашествия крымского хана Магмет-Гирея он выступил с посланием к великому князю Василию Ивановичу (издаваемым в при-